

Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсmenta на российском Дальнем Востоке

Исследовательский проект, по результатам которого подготовлена данная статья, был посвящен изучению *института захватной собственности на землю*. Основной вопрос исследования состоял в следующем. Способствуют ли земельные захваты формированию института частной собственности? Следуя идеям новой институциональной экономической теории [21], можно утверждать, что земельные захваты являются причиной и следствием плохой спецификации прав собственности и/или неэффективности государственного принуждения к соблюдению этих прав (далее – инфорсмент), иначе – захваты подрывают институт или мешают его формированию. Однако ряд исследователей [23; 25, с. 177–197] утверждает, что именно захваты позволили сформировать частную земельную собственность, что сложилось в США или Австралии. Но при этом дореволюционные и советские историки нередко утверждали, что именно захватная собственность препятствовала становлению частной собственности и шире – капитализма в Сибири [7; 9].

Означает ли это, что захваты могут при одних условиях становиться фундаментом для института частной собственности на землю, а при других – препятствовать его формированию? Какие стимулы и влияния на них условия способствуют «отклонению» или приближению к «идеальной», если таковая существует, частной собственности? Хотя в целом наш проект был посвящен современным институтам собственности на землю на российском Дальнем Востоке, данная статья – попытка ответить на эти вопросы, обращаясь к историческим сюжетам. В этом смысле следуя идеям новой институциональной экономической теории, в частности идее зависимости от выбранного пути или «эффекту колеи», мы предполагаем, что есть определенные обстоятельства (основания), которые закрепляют институты, делая появление альтернатив менее вероятным. Соответственно, говоря об «основаниях», мы следуем логике А. Грейфа [4, с. 11], который настаивает, что для понимания процесса формирования института в историческом контексте необходимо скрупулезно исследовать стимулы (почему поведение взаимодействующих экономических агентов именно такое) и основания стимулов (почему стимулы именно такие).

Формирование института частной собственности на землю в имперской России в целом, и в частности, на Дальнем Востоке, ранее не однократно становилось предметом исследовательского внимания [17, с. 58–68]. До недавних пор дискуссия носила упрощенный характер в том смысле, что ученые либо утверждали, что частная собственность в России складывалась [5], либо заявляли, что нет [13]. При этом часть исследователей утверждала, что для восточной окраины частные отношения собственности были даже более характерны, чем для остальной России в силу меньшего значения общинного зем-

© Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И., 2019

РЫЖОВА Наталья Петровна, д-р. экон.наук, профессор РАН, заведующий Приморской лабораторией Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). E-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

ГУЗЕЙ Яна Сергеевна, канд. ист. наук, преподаватель кафедры международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург) E-mail: guzeiana@mail.ru

КАРБАИНОВ Николай Иванович, научный сотрудник Социологического института РАН (г. Санкт-Петербург) E-mail: nkarbainov@gmail.com

Проект выполнен при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 16-32-00029-ОГН\18 "Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ".

лепользования и в целом либерального характера проекта колонизации Приамурья, разработанного Н.Н. Муравьевым-Амурским [18]. Дискуссия о том, что общинное землепользование оставалось преградой для распространения частной собственности восходит к советской и даже досоветской традициям. Еще до революции были опубликованы работы об «исконно русской» форме общинного землевладения [2; 16]. Сделаны выводы о том, что этот культурно специфичный феномен препятствует формированию частной собственности на землю. Тогда же были опубликованы и критические работы, указывающие на ошибочность выводов об исключительном именно для России общинном хозяйстве [3]. В 1990-е гг. очарование либеральными идеями лишь усугубило картину традиционно, исторического сложившегося антирыночного образа России в целом и Дальнего Востока в частности.

Вопрос о том, как влияли именно *захваты* на формирование частной собственности на Дальнем Востоке, насколько можно судить, очень редко обсуждался в литературе. Наиболее близки к задачам нашего проекта исследования Польской и Стасюкевич, которые пришли к выводу, что захваты формировали «у дальневосточного крестьянства этику частного собственника», и сделали вывод о том, что для защиты своего права крестьянин «не останавливался ни перед насилием, ни перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его от всякого вторжения» [18]. Вместе с тем, поднятые дальневосточными историками вопросы, требуют более детального обсуждения и концептуального осмысления в том числе путем акцента на спецификации и информенте. Для этих целей мы используем теоретическую модель, предложенную Альстоном, Миллером с коллегами. Эта модель была разработана авторами для объяснения процесса формирования частной собственности на землю при заселении периферий или так называемых «фронтиров» [22; 23; 27], в том числе и прежде всего посредством земельных захватов. По мнению авторов именно особенности заселения *фронтира* определили отношения собственности в таких странах, как США, Бразилия, Австралия, Аргентина.

Применяя модель Альстона-Миллера к случаю Дальнего Востока, мы не утверждаем, что к региону в целом применима концепция фронтира [1]. Вместе с тем мы приходим к заключению, что стимулы и основания формирования были сравнимы с теми, что формировали институты собственности на землю в американских и австралийских условиях. Анализ этих стимулов и оснований показал, насколько непродуктивна идея о том, что институт частной собственности или «есть» или «нет». Иначе говоря, мы приходим к выводу, что захваты способствовали формированию института частной собственности, но он был культурно-специфичным, отличным от тех, что формировались на других перифериях.

Стимулы и основания, также, как и теоретическая модель частной собственности, формируемая на фронтирах, обсуждаются в первом разделе статьи. Соответственно, проявление этих стимулов и оснований в условиях восточка Российской империи обсуждается во втором разделе работы.

Влияние захватов на отношения собственности: теоретическое осмысление особенностей фронтира

В экономической теории прав собственности сложилось понимание, что для экономического роста и успешного социального и политического развития необходим институт частной собственности на землю. В государстве, не развивающем такой институт, земля используется неэффективно, так как за пределами высокими оказываются трансакционные издержки, ведь за узурпаториями должна наблюдать армия контролеров. Неэффективность и рост бюрократического аппарата приводит к различным неприятным последствиям, в том числе, к коррупции. Напротив, если экономика организована на свободе контракта и частной собственности, то земельные ресурсы используются эффективнее и в целом государство работает лучше: «... свободно передаваемая частная собственность играет основополагающую роль в рыночной экономике. Если условия, сложившиеся в экономике, препятствуют обмену, то это имеет серьезные последствия в виде снижения эффективности». [21, с. 96–97]. Поэтому либеральная парадигма всем странам с «неэффективными» институтами предписывает провести реформы, способствующие формиро-

ванию «правильных» институтов частной собственности. При всей кажущейся убедительности этого постулата, ни теоретически, ни практически непонятно, как именно этот – да и любой другой – институт может быть имплементирован, выращен, заимствован?

Попытка ответить на этот вопрос активно ведется применительно к таким случаям, как Австралия, Бразилия, США, Аргентина – то есть к странам нового света. Исследователи внесли ряд значимых теоретических концепций, объясняющих процессы формирования прав собственности в указанных странах – на т.н. «фронтирных» территориях. Фокус на фронтиры не случаен. Во-первых, гипотеза о том, что страны показывают разную экономическую динамику в зависимости от отличий в правах собственности, справедливо требует рассматривать развивающиеся страны. А гипотеза о колониальном испанском (португальском) или английском влиянии также делает выбор указанных стран весьма логичным. Во-вторых, «фронтирь» рассматриваются как территории, где «права собственности» не существовали, а были сформированы колонистами. Аборигенные права в этом смысле экономистов, конечно, не интересуют. Наконец, в-третьих, именно фронтиры позволяют включать в анализ категорию насилия, как раз связанную с наличием аборигенов, категорию, которая с недавних пор вошла в институциональный мейнстрим [15].

Итак, Альстон, Миллер с коллегами [23, 24], обращаясь к изучению влияния захватов на формирование собственности и разделяя спецификацию и инфорсмент прав собственности, пришли к заключению, что права собственности *универсально эволюционируют* вместе с прогрессом заселения. Вначале земли имеют «открытый доступ» (то есть отсутствует контроль доступа к земельному ресурсу). Затем благодаря захватам права специфицируются – то есть формируется частная собственность *de facto*. В это время формируется инфорсмент прав собственности, который в основном носит клубный характер – то есть фактические собственники объединяются для защиты своих прав, вводя и поддерживая неформальные правила инфорсмента. И, наконец, из-за роста стоимости земли и конкуренции на нее происходит спецификация земли *de jure*. Это происходит благодаря обращению к государству, инициируемому одним из «клубов», то есть фактическими собственниками. Роль государства резко возрастает, и оно может избирать разные стратегии, в зависимости от ценности (и стоимости) земли. Таким образом, основным фактором легализации собственности является ценность/ стоимость земли.

Разные исследователи, проверяя качество модели, применили ее к эмпирическим данным Бразилии, Австралии и США [23]. В целом соглашась с полученными Альстоном и Миллером выводами, другие авторы анализировали случаи (конкретно – аргентинские пампы), когда модель не работала – частная собственность *de jure* не создавалась, т.к. правительство оказалось не способным ввести и поддержать инфорсмент [27]. Сами авторы в предложенной доработанной модели ставят вопрос об влиянии власти, конкретно – об экономических стимулах, извлечении ренты и влиянии насилия. В целом данная работа остается в экономической логике, основное объяснение авторы видят в ценности / стоимости земли, которая зависит от возможности контроля государством насилия.

Несмотря на предложенные уточнения и признание девиаций в зависимости от организации власти, в данной работе не подвергается сомнению эволюционный характер развития института частной собственности и определяющая роль государства в обеспечении инфорсмента. Однако обойти этот вопрос невозможно: по мнению влиятельного экономиста либерального толка развивающиеся страны, среди которых и упомянутые Аргентина и Бразилия остаются в настоящее время «странами узуфруктариев», где плохая – преимущественно неформальная – защита частной собственности объясняет постоянное экономическое отставание этих стран [6]. Но если, например, в Бразилии XIX в. сложились «правильные» институты собственности на землю, что произошло с ними далее? Почему, например, легализация и наличие государственного инфорсмента в перуанских деревнях не формирует частную собственность со всеми необходимыми атрибутами защиты [28]? Не зависит ли качество защиты от культурных особенностей, которые, конечно, могут быть похожими для Аргентины и Бразилии, но отличаться в других странах, на-

пример Афганистане [29, с. 3–4]? И, наконец, будут ли отношения собственности одинаковыми в разнообразных культурных контекстах?

Важным выводом модели, рассматривающей «захват земли открытого доступа» – «собственность de facto» – «собственность de jure» является выделение двух стимулов: 1) стремление к извлечению земельной ренты у экономических агентов (основание – изобилие земельного ресурса) и 2) стремление государства к извлечению ренты (основание – появление de facto собственников). Далее мы обсудим, как специфические национальные и/или локальные основания изменяют стимулы и отношения собственности приобретают культурную специфику.

Исторически устойчивые особенности земельных отношений на восточной российской периферии

Изобилие и захват. В имперском российском дискурсе дальневосточная окраина практически с момента своего присоединения стала ассоциироваться с бескрайними просторами незанятых земель, открывающими потрясающие возможности для развития хозяйственной активности и сулящими переселенцам быстрое обогащение. Распространению таких представлений во многом способствовала и сама программа правительства по заселению Дальнего Востока. Различные издания империи, имевшие своей целью привлечение переселенцев на окраину, «рисовали» перед мужицким воображением радужную картину свободных земель, бескрайних пустопорожных полей и покосов [17].

Данный дискурс поддерживался во многом и правилами переселения в дальневосточный регион 1861 г., устанавливавшими для переселенцев не только право свободного выбора земель, но и возможность закрепления за ними значительного надела земли общей площадью до 100 десятин, который можно было получить в пользование или даже выкупить в собственность по льготной цене [8, с. 12–13]. Право выбора мест водворения непреложно защищалось государством. В отчетах Южно-Уссурийского переселенческого управления проводилась мысль, что «поставив усадьбы, переселенец может свободно брать пахотную землю в ту или другую сторону, назначить выгон, указать сенокосы, в местах по своему усмотрению, в пределах установленного очертания дачи и причитающейся обществу площади» (РГИА¹, Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 67).

На практике переселенцы, прибывавшие на Дальний Восток, в собственности на первых порах, не испытывали никакого стеснения в земельных угодьях. Помимо стодесятинного надела, который, по мнению специалистов, был закреплен за переселенцами даже не законом о переселении 1861 г., а дальневосточной администрацией, неверно его истолковавшей и превратившей максимальный порог надела в норму [8, с. 12–13], переселенцы широко использовали возможность «прихватить» земли сверх установленной нормы.

На первых порах каждый переселенец выбирал землю там, где хотел и в том количестве, в котором он желал. В результате, фактически повсеместно на Дальнем Востоке установилась практика, основанная «на праве первого захвата» (*Jus primi occupandi*), когда земля признавалась собственностью того, кто первым ее присвоил и обработал [8, с. 12]. Закон 1861 г. предусматривал возможность выкупа земли в двадцатилетний срок в частную собственность по льготной цене в 3 руб. за десятину, однако, весьма интересно, что на 1912 г. ни одно из старожильческих селений не воспользовалось этим правом, по всей видимости, не видя в этом шаге особого смысла [11, с. 79]. Получавшие землю в бессрочное пользование (при условии ее обработки в течение определенного срока с момента поселения в крае), старожили, не имевшие каких-либо оформленных прав на владение, тем не менее, активно пользовались своим «захватным правом» на землю, продавая право на ее обработку вновь прибывшим поселенцам [8, с. 12; 11, с. 82]. При этом цена на пользование землей нередко завышалась и достигала исключительно высокой стоимости, в разы превосходившей сумму, установленную правительством за выкуп государственной земли в собственность. Так, в одном из селе-

¹ РГИА – Российский государственный исторический архив.

ний право на пользование землей и надворными постройками было продано за 6700 рублей, составив 42–45 рублей за одну десятину [11, с. 82].

В этих условиях неслучайно, что желание «застолбить» за собой как можно больше свободных земель становится для многих инициативных старожилов-переселенцев делом особой важности. Поэтому весьма распространенной практикой становится создание необработанных земельных зазоров между пашнями и полями одного домохозяина, которые с течением времени можно было прирезать к уже существующему наделу [11, с. 97]. И чем больше переселенцев селилось поблизости, тем сильнее были подобные стремления.

Таким образом, избыток земли на российской периферии стало таким же стимулом для захватов конца XIX – начала XX вв., как и, например, на «американском западе» того же XIX в. В пользу того, что институт собственности на землю на восточной российской окраине был ближе к таковому в той же Америке, чем в центральной России, говорит тот факт, что общины, видимо, играли роль клубов, помогавших скорее защищать интересы *de facto* собственников, чем вовлекать земли в общинный передел.

Однако говорить об идентичности формирующихся отношений собственности нельзя. В отличие от американских или австралийских условий восточная российская периферия «фронтиром» не была. Близость Китайского государства влияла и на отношения собственности. В частности, значительная часть т.н. «открытых земель», наиболее пригодных к сельскохозяйственному производству, подвергалась вторичному захвату – крестьяне российской империи под протекцией властей изымали земли, уже ранее освоенные. В качестве примера можно вспомнить о т.н. «манчжурском клине», где и сейчас расположены наиболее плодородные земли Амурской области [12]. Существовали и другие формы «вторичного» захвата, связанные, например, с религиозными практиками – ряд староверческих конфессий предпочитал уходить при подселении к ним представителей иных конфессий, освобождая разработанные пашни. Для нашего аргумента важно, что в отличие от описанной Альстоном и Миллером модели, на российской периферии государство играло более важную роль в обеспечении захватов, с первых дней предоставляя широкие права, покровительствующие захватам.

Клубы, в рамках которых экономические агенты, договариваясь, вырабатывали правила защиты прав собственности, были, видимо, менее важны, чем государство, которое организовывало, покрывало, поддерживало определенные захваты. Этот вывод приводит нас ко второму стимулу, который, сразу оговоримся, работает совершенно не так, как в описанных в литературе условиях фронтира.

Рента государства и de facto собственники. Нельзя полностью отрицать привлекательность для российского государства извлечения ренты из обустройства территории. Тем не менее, этот стимул не был определяющим: поселенцы были необходимы для защиты, в том числе и прежде всего военной, новых границ, а не для превращения их в источник государственного дохода. Стимул защиты восточных рубежей оказывал определяющее значение на отношения собственности. Примечателен в этом смысле случай г. Владивостока, который в силу ландшафта начал страдать от дефицита городской земли почти с самого начала своего основания. «Бесконечные споры о захватываемых землях продолжались и в 1892 г. По докладу городского головы было постановлено избрать комиссию... и просить военного губернатора о том, чтобы все заинтересованные ведомства и учреждения командировали в эту комиссию своих депутатов» [10, с. 300]. Цель комиссии состояла в том, чтобы определить, какие захваченные ведомства земли простаивают, не используются и при этом самым «злостным» ведомством оказалось военное, у которого было преимущество перед всеми иными и которое оказывало негативное влияние на гражданское развитие города. Долгое время Владивосток не имел возможности даже обустроить коммерческий флот из-за того, что вся прибрежная земля была отдана военному ведомству. Однако, как пишет современник, из этого правила существовали исключения. В частности, для целей коммерческих предприятий Добровольного флота и купца Шевелева земля отводилась на территории военного порта [10, с. 273].

Показательно, что складывавшиеся клубные способы инфорсментации прав собственности нередко оказывались в оппозиции не к другим экономи-

ческим агентам (это, конечно, тоже имело место: особенно явна оппозиция старожилов и новых поселенцев), а к государству – к конкретным учреждениям военного ведомства. В этом отношении весьма показательным является дело жителей деревни Амурки, написавших жалобу на имя императора Александра II, с просьбой разобраться с поселением в непосредственной близости от них крепостной артиллерийской команды, занявшей земли, принадлежащие поселенцам Амурки. По сообщениям жителей, в «1867 г. крепостная артиллерия первоначально произвольно заняла в расстоянии от домов наши 200 сажень для усадьбы самую удобную землю <...>, а потом в лето того же 1867 [им – авторы] сделан отвод тоже земли, значащейся в одной площадке в качестве уже 3-х десятин, также отведена на адекватном расстоянии от деревни нашей внизу по р. Амурке на 1,5 версты и по берегу тоже 1,5 версты всего в квадрате на 3 версты удобного по обеим сторонам сенокосного места, и так по случаю такового года нам для себя в нынешнее лето заготовить сено совершенно негде...» (РГИА ДВ². Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.). Дававший разъяснения по этому делу землемер Почекунин, отмечал, что при отводе земель нижним чинам Николаевской крепостной артиллерии, руководствовался показаниями депутата от Земской полиции и ряда других свидетелей, которые показали, что отводимая земля никогда не использовалась жителями Амурки: «из прошения видно, как под огородами, так и покосная земля отданная помянутым артиллеристам, будто бы принадлежала ранее переселенцам, то это явная ложь, что доказывается как показаниями Непомнющего, депутата и понятых, еще и тем, что поселенцам сенокос был вовсе не нужен за неимением у себя травоядных животных». Кроме того, Почекунин считал нужным подчеркнуть, что «за сим отводом, по той речке осталось удобной земли еще в большом количестве, не только для четырех семейств, но и для 100 семейств и с избытком» (РГИА ДВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 7 об.–8).

Таким образом, несмотря на изобилие земли, наличие стимулов к извлечению государством ренты и распространенность захватов, отношения собственности на восточной российской периферии едва ли могли напоминать идеализированный американский «запад» или австралийский фронт. Близость Китая, приоритет военной рациональности над экономической – те основания, которые корректировали – и, кстати, продолжают корректировать – стимулы. Упомянутые выше коммерческие склады на территории военного порта свидетельствуют, что военная рациональность, конечно, не была тотальной – при определенных условиях, представитель военного ведомства мог откорректировать ее в пользу рациональности экономической. Сложно сделать вывод, носила ли эта коррекция характер ренты, изымаемой в пользу самого чиновника или городского сообщества, но очевидно, что механизмы государственного инфосмента, часто представляемого в виде «черного ящика», требуют дальнейшей деконструкции и объяснения.

Возвращаясь к нашему исследовательскому вопросу, согласимся, что захватная собственность способствовала становлению частной собственности *de facto* и, видимо, переход ее к частной собственности *de jure* был бы лишь вопросом времени, которого у восточной Российской периферии не оказалось. Другое дело, что эти отношения собственности не могли быть идентичными тем, что сформировались в других странах и регионах постольку, поскольку иной была рациональность российского государства.

Литература

1. Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный фантом? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1(44). С. 73–84.
2. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1–2.

² РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

3. Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение: разбор кн. А. Васильчикова *Землевладение и земледелие*. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. 250 с.
4. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2013. 531 с.
5. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 316 с.
6. Де Сото Э. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире? М.: Олимп-Бизнес, 2004. 263 с.
7. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-ти томах / Гл. ред. П.А. Окладников. Ленинград: Наука, 1968. Том 3: Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.
8. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. М., 1896. Т. 2. Вып. 2. С. 1–122.
9. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, Т. 3. Москва: Издательство политической литературы, 1971. 792 с.
10. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Рубеж, 2012. 512 с.
11. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (текст). / Составил А. Меньщиков. Под ред. А.А. Татищева. Саратов: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1912. 505 с.
12. Матюнин Н.Г. Записка о китайцах манчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVIII. СПб., 1894. С. 33–39.
13. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
14. Назаров А.Ю. Манчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. 14. № 1–2. 1885. С. 1–18.
15. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
16. Панаев В.А. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. С-Пб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канц., 1881. 283 с.
17. Переселение на Дальний Восток в 1906 г. (Амурская область и Уссурийский край Приморской области). СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Вып. XXVIII. 112 с.
18. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Проблема частной собственности на землю в России в отечественной историографии // История науки и техники. 2014. № 3. С. 58–68.
19. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 91–101.
20. Собственность в России: Средневековье и раннее новое время / Отв. ред. Н.А. Горская. М.: Наука, 2001. 283 с.
21. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В.С. Катькало и Н.П. Дроздовой. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 701 с.
22. Allen Douglas W. Homesteading and Property Rights: Or How the West Was Really Won // *Journal of Law & Economics*. 1991. Vol. 34. № 1. Pp. 1–23.
23. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. De facto and de jure property rights: Land settlement and land conflict on the Australian, Brazilian and U.S. frontiers. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15264.
24. Alston L.J., Mueller B. 2010. Property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15771.
25. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper № 15771.
26. Anderson T., Hill P.J. The Race for Property Rights // *Journal of Law & Economics*, 1990. №33. Pp. 177–197.
27. Dye A., La Croix S. The Political Economy of Land Privatization in Argentina and Australia, 1810–1850: a Puzzle // *The Journal of Economic History*, 2013. № 73. Vol.4. Pp. 901–936.
28. Kerekes C. B., Williamson, C. R. Propertyless in Peru, Even with a Government Land Title // *American Journal of Economics and Sociology*, 2010. Vol. 69. Pp. 1011–1033.
29. Murtazashvili I., Murtazashvili J. Anarchy, self-governance, and legal titling // *Public Choice*. 2015. № 162 (3-4). P. 287–305.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bostan K.A., Kuznetsov A.M. Ideya "frontira": vygodnoe priobretenie ili opasnyj fantom? // Ojkumena: Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1(44). S. 73–84.
2. Vasil'chikov A.I. Zemlevladienie i zemledelie v Rossii i drugih evropejskikh gosudarstvakh. SPb.: tip. M. Stasyulevicha, 1876. T. 1–2.
3. Ger'e V.I., Chicherin B.N. Russkij diletantizm i obshhinnoe zemlevladienie: razbor kn. A. Vasil'chikova Zemlevladienie i zemledelie. M.: tip. A.I. Mamontova i K^o, 1878. 250 s.
4. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomike: Uroki srednevekovoj trgovli. M.: Izd. Dom GU-VSHEH, 2013. 531 s.
5. Danilova L.V. Sel'skaya obshhina v srednevekovoj Rusi. M.: Nauka, 1994. 316 s.
6. De Soto EH. Zagadka kapitala: Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire? M.: Olimp-Biznes, 2004. 263 s.
7. Istoriya Sibiri s drevnejshikh vremen do nashikh dnei: v 5-ti tomakh / Gl. red. P.A. Okladnikov. Leningrad: Nauka, 1968. Tom 3: Sibir' v ehpokhu kapitalizma. 530 s.
8. Kryukov N.A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej // Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. M., 1896. T 2. Vyp. 2. S. 1–122.
9. Lenin V.I. Razvitie kapitalizma v Rossii. Polnoe sobranie sochinenij, T. 3. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1971. 792 s.
10. Matveev N.P. Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka. Vladivostok: Rubezh, 2012. 512 s.
11. Materialy po obsledovaniyu krest'yanskikh khozyajstv Primorskoj oblasti. Starozhily-stodesyatinniki. Tom III (tekst). / Sostavil A. Men'shikov. Pod red. A.A. Tishheva. Saratov: Pereselench. upr. G.U.Z. i Z., 1912. 505 s.
12. Matyunin N.G. Zapiska o kitajtsakh manchzhurakh, prozhivayushhikh na levom beregu Amura // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. LVIII. SPb., 1894. S. 33–39.
13. Milov L.V. Velikorusskij pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa. M.: ROSSPEHN, 1998. 573 s.
14. Nazarov A.YU. Manchzhury, daury i kitajtsy Amurskoj oblasti // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva. T. 14. № 1–2. 1885. S. 1–18.
15. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva / Per. s angl. D.Uzlanera, M.Markova, D.Raskova, A.Raskovoj. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
16. Panaev V.A. Obshhinnoe zemlevladienie i krest'yanskij vopros. S-Pb.: tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kants., 1881. 283 s.
17. Pereselenie na Dal'nij Vostok v 1906 g. (Amurskaya oblast' i Ussurijskij kraj Primorskoj oblasti). SPb.: tip. F. Vajsberga i P. Gershunina, 1906. Vyp. XXVIII. 112 s.
18. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. Problema chastnoj sobstvennosti na zemlyu v Rossii v otechestvennoj istoriografii // Istoriya nauki i tekhniki. 2014. № 3. S. 58–68.
19. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. Chastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 4. № 3. S. 91–101.
20. Sobstvennost' v Rossii: Srednevekov'e i rannee novoe vremya / Otv. red. N.A. Gorskaya. M.: Nauka, 2001. 283 s.
21. Furubotn E.H.G., Rikhter R. Instituty i ehkonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novej institucional'noj ehkonomicheskoy teorii / Per. s angl. pod red. V.S. Kat'kalo i N.P. Drozdovoj. SPb.: Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 701 s.
22. Allen Douglas W. Homesteading and Property Rights: Or How the West Was Really Won // Journal of Law & Economics. 1991. Vol. 34. № 1. Pp. 1–23.
23. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. De facto and de jure property rights: Land settlement and land conflict on the Australian, Brazilian and U.S. frontiers. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15264.
24. Alston L.J., Mueller B. 2010. Property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15771.
25. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper № 15771.
26. Anderson T., Hill P.J. The Race for Property Rights // Journal of Law & Economics, 1990. №33. Pp. 177–197.
27. Dye A., La Croix S. The Political Economy of Land Privatization in Argentina and Australia, 1810–1850: a Puzzle // The Journal of Economic History, 2013. № 73. Vol.4. Pp. 901–936.
28. Kerekes C. B., Williamson, C. R. Propertyless in Peru, Even with a Government Land Title // American Journal of Economics and Sociology, 2010. Vol. 69. Pp. 1011–1033.

29. Murtazashvili I., Murtazashvili J. Anarchy, self-governance, and legal titling // Public Choice. 2015. № 162 (3-4). P. 287–305.

Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И. Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсментна на российском Дальнем Востоке.

Способствуют ли земельные захваты формированию института частной собственности? Могут ли захваты в одних условиях становиться фундаментом для института частной собственности на землю, а в других – препятствовать его формированию? Статья представляет собой попытку ответить на эти вопросы, обращаясь к опыту колонизации российского Дальнего Востока. В частности, обсуждается, как специфические национальные и/или локальные основания изменяют стимулы в результате чего отношения собственности приобретают культурную специфику.

Ключевые слова: захваты, институт собственности на землю, периферия, стимулы и основания, российский Дальний Восток

Ryzhova N.P., Guzej YA.S., Karbainov N.I. Property right over land: seizures, "recourse abundance" and features of enforcement in the Russian Far East.

Do land seizures contribute to the formation of private property? Can seizures in some conditions become the foundation for the private ownership of land, and in others – prevent its formation? What incentives and conditions affecting them contribute to "rejecting" or approaching the "ideal", if such exists, private property? The article is an attempt to answer these questions, referring to the experience of the colonization of the Russian Far East. For these purposes, the authors critically use the Alston, Miller et al model in which property rights universally evolve along with the progress of colonization. That is initially the land of "open access" is seized; then, thanks to club enforcement, de facto property is formed; Further, the state, guided by the incentive to extract rent, offers an enforcement that consolidates de jure property. The article discusses that specific national and / or local grounds change incentives and, as a result, property relations acquire cultural specificity. With regard to the case of the Russian Far East, this means that although the seizures contributed to the formation of the institution of private property, it was by no means identical to the institutions that were formed during the development of other "open access" lands.

Key words: housing, mass culture, cinema, mass anxiety, locality, oikophobia

Для цитирования: Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И. Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсментна на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122

For citation: Ryzhova N.P., Guzej YA.S., Karbainov N.I. Property right over land: seizures, "recourse abundance" and features of enforcement in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122

